

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России»

город Санкт-Петербург

18 ноября 2014 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской

Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ОАО «Сбербанк России». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.О.Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 18 Федерального закона от 24 июля 2002 года № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» третейское разбирательство осуществляется на основе принципов законности, конфиденциальности, независимости и беспристрастности третейских судей, диспозитивности, состязательности и равноправия сторон. В силу пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации арбитражный суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если установит, что решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права.

В соответствии с пунктом 3 статьи 10 Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» надзор за деятельностью автономной некоммерческой организации осуществляют ее учредители в порядке, предусмотренном ее учредительными документами.

1.1. Как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, третейский суд при автономной некоммерческой организации «Центр Третейского Разбирательства» решением от 26 июня 2012 года удовлетворил иск ОАО «Сбербанк России» к ООО «СОФИД» (должнику) и гражданину А.С.Шитю (поручителю) о взыскании с них солидарно задолженности по договору об открытии

невозобновляемой кредитной линии в размере 13 003 667 рублей 54 копеек, включая основной долг (12 500 000 рублей), проценты за пользование кредитом, плату за пользование лимитом кредитной линии, неустойку за несвоевременное погашение процентов и неустойку за несвоевременное погашение платы за пользование лимитом кредитной линии. Тем же решением третейский суд обратил взыскание на имущество ООО «СОФИД» (во исполнение заключенных между ним и истцом договоров залога и ипотеки) и на имущество А.С.Шитя (во исполнение заключенных между ним и истцом договоров залога и поручительства).

Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, куда ОАО «Сбербанк России» обратилось в связи с неисполнением ответчиками решения третейского суда в добровольном порядке, определением от 31 октября 2012 года, оставленным без изменения постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 декабря 2012 года, заявление ОАО «Сбербанк России» о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение данного решения удовлетворил, отвергнув доводы ООО «СОФИД» об отсутствии законных оснований для передачи спора на рассмотрение третейского суда при автономной некоммерческой организации «Центр Третейского Разбирательства», поскольку, как было установлено, соответствующее третейское соглашение было включено в тексты заключенных между сторонами кредитного договора, договора ипотеки и договора поручительства, протоколы же разногласий и иные доказательства, подтверждающие, что ООО «СОФИД» выдвигало при заключении этих договоров какие-либо возражения относительно содержания третейского соглашения и передачи возможных споров на рассмотрение данного третейского суда, в деле отсутствуют. При этом суды не нашли оснований для признания указанных договоров, содержащих третейские оговорки, договорами присоединения, отметив, что их форма и содержание не соответствуют формуляру или иной стандартной форме, которая

использовалась бы ОАО «Сбербанк России» при заключении подобных договоров с другими лицами.

Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 года указанные судебные акты отменены, в удовлетворении заявления ОАО «Сбербанк России» о выдаче исполнительного листа отказано на том основании, что рассмотрение спора третейским судом, созданным при организации, учредителем которой является одна из сторон этого спора, свидетельствует о нарушении гарантий объективной беспристрастности третейского суда, факт соблюдения которых арбитражными судами нижестоящих инстанций проверен не был.

Нарушение положениями статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» своих прав, гарантированных статьями 4 (часть 2), 8 (часть 1), 10, 15, 17 (часть 1), 34 (часть 1), 45 (часть 2), 55 (часть 3) и 120 Конституции Российской Федерации, ОАО «Сбербанк России» усматривает в том, что эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – позволяют рассматривать решение третейского суда как нарушающее основополагающие принципы российского права, если оно принято по спору, одной из сторон которого является учредитель автономной некоммерческой организации, при которой создан данный третейский суд, и отказывать на этом основании в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе объединения граждан конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в

жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Соответственно, положения статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой эти положения в их взаимосвязи служат основанием для разрешения вопроса о возможности выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда применительно к случаям, когда сторона, в пользу которой оно принято, является одним из учредителей автономной некоммерческой организации, при которой создан данный третейский суд.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1); право на судебную защиту является непосредственно действующим, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, часть 1; статья 18).

Ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод обусловлена особым местом судебной власти в системе разделения властей и ее прерогативами по осуществлению правосудия, вытекающими из статей 10, 11 (часть 1), 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1), 125, 126 и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Принцип беспрепятственного доступа к правосудию, который вытекает из

приведенных конституционных положений, признается в качестве фундаментального принципа всем международным сообществом: согласно Международному пакту о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6) каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом.

Соответственно, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Российская Федерация как правовое государство обязана обеспечивать эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, на основе законодательно закрепленных критериев, которые в нормативной форме (в виде общих правил) определяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в данном вопросе (постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П, от 17 января 2008 года № 1-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 мая 2011 года № 10-П и др.).

3. Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, Конституция Российской Федерации одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2). К числу таких – общепризнанных в современном правовом обществе – способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обуславливаются диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений, относится обращение в третейский суд – международный

коммерческий арбитраж или внутренний третейский суд (постоянно действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретных споров (*ad hoc*)).

Обращаясь в ряде своих решений (постановления от 4 апреля 2002 года № 8-П, от 17 марта 2009 года № 5-П и от 26 мая 2011 года № 10-П; определения от 26 октября 2000 года № 214-О, от 15 мая 2001 года № 204-О, от 20 февраля 2002 года № 54-О и от 4 июня 2007 года № 377-О-О) к анализу законоположений, определяющих правомочия третейского суда по рассмотрению споров, вытекающих из гражданских правоотношений, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам:

в Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 8 (часть 1), согласно которой в Российской Федерации гарантируются свобода экономической деятельности и поддержка конкуренции, и статьей 34 (часть 1), закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности;

третейские суды, по смыслу статей 10, 11 (часть 1), 118 (часть 1) и 124–128 Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», не осуществляют государственную (судебную) власть и не входят в судебную систему Российской Федерации, состоящую из государственных судов. Это, однако, не означает, что Конституция Российской Федерации исключает тем самым возможность разрешения гражданско-правовых споров между частными лицами в процедуре третейского разбирательства посредством третейских судов, действующих в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями;

предоставление заинтересованным лицам права по своему усмотрению обратиться за разрешением спора в государственный суд (суд общей юрисдикции, арбитражный суд) в соответствии с его компетенцией, установленной законом, или избрать альтернативную форму защиты своих прав и обратиться в третейский суд – в контексте гарантий, закрепленных статьями 45 (часть 2) и 46 Конституции Российской Федерации, – само по себе не может рассматриваться как их нарушение, а, напротив, расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота. Стороны спора, заключая соглашение о его передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда. В таких случаях право на судебную защиту, которая – по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации – должна быть полной, эффективной и своевременной, обеспечивается возможностью обращения в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Опираясь на приведенные правовые позиции, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 26 ноября 2011 года № 10-П признал правомерным обращение частных лиц – в пределах реализации ими на основе автономии воли права на свободу договора – к третейскому разбирательству в сфере гражданских правоотношений, где допускается разрешение споров посредством общественного саморегулирования, а публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства, что предполагает наличие гарантий справедливости и беспристрастности, присущих любому судебному разбирательству в силу требований статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

3.1. В статье 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» перечислены основные принципы третейского разбирательства – законность, конфиденциальность и диспозитивность, состязательность и равноправие сторон, независимость и беспристрастность третейских судей. Эти принципы, согласно современной доктрине справедливого правосудия, относятся к числу фундаментальных, однако в третейском разбирательстве их проявление имеет свои особенности, которые обусловлены частной, негосударственной природой третейского суда.

Так, принцип законности в третейском разбирательстве означает, в частности, что нарушение решением третейского суда основополагающих принципов российского права или вынесение им решения по спору, который в соответствии с федеральным законом не может быть предметом третейского разбирательства, является основанием для отмены (отказа в исполнении) такого решения компетентным судом *ex officio*. Принцип диспозитивности, отражающий волю сторон договора на заключение третейского соглашения как основы третейского разбирательства и на согласование его правил, имеет более широкое содержание, нежели принцип диспозитивности в гражданском судопроизводстве.

Что касается закрепленного в международных договорах, большинстве национальных законов и правилах третейского разбирательства принципа независимости и беспристрастности третейских судей, то вытекающие из него требования производны от требований к судьям государственных судов, аналогичны и подходы к основополагающим гарантиям их деятельности, направленным на обеспечение реализации гражданами и их объединениями (организациями) права на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом. Исходя из этого Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» запрещает образование постоянно действующих третейских судов при федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления (абзац второй пункта 2 статьи 3), а также

избрание (назначение) третейским судьей физического лица, которое в соответствии с его должностным статусом, определенным федеральным законом, не может быть избрано (назначено) третейским судьей (пункт 7 статьи 8).

Иных ограничений в отношении образования третейских судов Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» не содержит: как следует из абзаца первого пункта 2 его статьи 3, образовывать постоянно действующие третейские суды могут организации – юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, или их объединения (ассоциации, союзы), в том числе, следовательно, и автономные некоммерческие организации, каковыми, согласно Федеральному закону «О некоммерческих организациях», признаются не имеющие членства некоммерческие организации, которые создаются в целях предоставления услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры и спорта и иных сферах и надзор за деятельностью которых осуществляется в порядке, предусмотренном учредительными документами таких организаций, прежде всего уставом, а также учредительным договором, либо непосредственно учредителями, либо специально созданным контрольным органом (попечительским или наблюдательным советом, ревизионной комиссией), либо с использованием различных форм отчетности, в том числе публичной (пункт 3 статьи 10 и статья 14).

Независимость третейского судьи, избранного (назначенного) в состав постоянно действующего третейского суда, от организации – учредителя данного третейского суда обеспечивается запретом на вмешательство в его деятельность по рассмотрению спора и в принятие решения по делу органов, должностных лиц и сотрудников этой организации, которая уполномочена лишь на утверждение процедурных правил соответствующей деятельности и списка третейских судей (который может иметь обязательный или рекомендательный характер для сторон), а также порядком выплаты им

гонораров и компенсации иных расходов, связанных с участием в третейском разбирательстве: как следует из статьи 15 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», бремя этих расходов, состав которых определяется правилами конкретного постоянно действующего третейского суда, несут стороны спора, а размер вознаграждения (гонорар) зависит от заранее определенного размера уплачиваемого авансом третейского сбора, часть которого подлежит распределению между третейскими судьями вне зависимости от результатов рассмотрения дела (сама же организация-учредитель лишь получает соответствующие денежные средства, осуществляет их хранение и выплату).

Независимость третейского судьи от сторон рассматриваемого спора подразумевает, как правило, отсутствие трудовых (работник – работодатель, начальник – подчиненный), гражданско-правовых (должник – кредитор) и иных правоотношений (административных, финансовых, семейных и т.д.), а беспристрастность обеспечивается законодательным закреплением ряда специальных требований, которые предъявляются к третейским судьям: согласно пункту 1 статьи 8 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» третейским судьей может быть избрано (назначено) лицо, прямо или косвенно не заинтересованное в исходе дела и являющееся независимым от сторон. Такой подход согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, в силу которой отсутствие предубеждения и пристрастности со стороны судьи является необходимым условием справедливого судебного разбирательства (Постановление от 25 марта 2008 года № 6-П).

Этой же цели подчинены предусмотренные Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации» правила формирования состава третейского суда (статья 10) и порядок отвода третейских судей (статья 12), который при наличии соответствующих оснований, свидетельствующих о несоблюдении ими предусмотренных статьей 8 названного Федерального закона требований, каждая из сторон вправе заявить избранному ею

третейскому судье: так, лицо, к которому поступило обращение в связи с его возможным избранием (назначением) третейским судьей, обязано сообщить о наличии обстоятельств, являющихся основаниями для его отвода; если же указанные обстоятельства возникли во время третейского разбирательства, третейский судья должен без промедления сообщить об этом сторонам и заявить самоотвод (пункт 1 статьи 12); сторона может заявить отвод избранному ею третейскому судье в случае, если обстоятельства, являющиеся основаниями для отвода, стали известны стороне после избрания ею отводимого третейского судьи (пункт 2 статьи 12); выявление таких обстоятельств на стадии рассмотрения компетентным судом вопроса о выдаче исполнительного листа либо при оспаривании решения третейского суда будет являться безусловным основанием для отказа в выдаче исполнительного листа (пункт 2 статьи 46) либо для отмены решения третейского суда (подпункт 1 статьи 42).

Как следует из Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», в постоянно действующем третейском суде процедура отвода третейского судьи может быть определена правилами постоянно действующего третейского суда (пункт 3 статьи 12), которые согласно пункту 3 его статьи 7 являются неотъемлемой частью третейского соглашения; если третейский судья, которому заявлен отвод, не берет самоотвод или другая сторона не согласна с отводом третейского судьи, то вопрос об отводе третейского судьи разрешается другими третейскими судьями, входящими в состав третейского суда; вопрос об отводе третейского судьи, разрешающего спор единолично, разрешается этим третейским судьей (пункт 5 статьи 12); соответственно, как в случае самоотвода третейского судьи, так и при согласии другой стороны с заявленным отводом полномочия третейского судьи прекращаются (статья 13).

3.2. Таким образом, само по себе приведенное нормативное регулирование – с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных им в сохраняющих свою силу

решениях, – не дает оснований для вывода о невозможности передачи на рассмотрение постоянно действующего третейского суда, образованного при автономной некоммерческой организации, гражданско-правового спора, одной из сторон которого является учредитель данной автономной некоммерческой организации.

4. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования всеми правоприменителями правовой нормы, которая, следовательно, должна отвечать требованию определенности, ясности и недвусмысленности; неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных статьями 45 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации гарантий государственной, включая судебную, защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 20 апреля 2009 года № 7-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 22 апреля 2013 года № 8-П и др.).

4.1. Обращаясь к процессуальным аспектам основанной на положениях Конституции Российской Федерации возможности разрешения гражданско-правовых споров посредством третейского разбирательства, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 26 мая 2011 года № 10-П пришел к следующим выводам:

присущий гражданским правоотношениям принцип диспозитивности распространяется и на процессуальные отношения, связанные с рассмотрением в судах в порядке гражданского судопроизводства споров, возникающих в ходе осуществления физическими и юридическими лицами предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической

деятельности; диспозитивность в гражданском судопроизводстве означает, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом;

данное правило распространяется и на процессуальные отношения, возникающие в связи с оспариванием решений третейских судов, поскольку в основе этих процессуальных отношений лежит договор, согласно которому стороны (частные лица) доверяют защиту своих гражданских прав избранному им составу третейского суда и признают его решения; вместе с тем передача спора, который возник или может возникнуть между сторонами какого-либо конкретного правоотношения, на рассмотрение третейского суда остается альтернативной формой защиты права и не превращает само по себе третейское разбирательство в собственно судебную форму защиты права, равно как и не порождает иных юридических последствий, помимо предусмотренных законом именно для третейского решения, которое – в силу юридической природы третейского разбирательства – принимается третейским судом от своего имени, обязательно для сторон на основе добровольного исполнения, а обеспечение его принудительного исполнения находится за пределами третейского рассмотрения и является задачей государственных судов и органов принудительного исполнения.

Исходя из этого установленный действующим законодательством перечень оснований для отмены (отказа в выдаче исполнительно листа на принудительное исполнение) решений третейских судов имеет исчерпывающий характер и предусматривает как основания, наличие которых подлежит доказыванию стороной, против которой принято соответствующее решение (подпункт 1 статьи 42 и подпункт 1 пункта 2 статьи 46 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», часть 2 статьи 233 и часть 2 статьи 239 АПК Российской Федерации, часть вторая статьи 421 и часть первая статьи 426 ГПК

Российской Федерации), так и основания, наличие которых подлежит установлению компетентным судом, а именно: спор, рассмотренный третейским судом, не может быть предметом третейского разбирательства в соответствии с федеральным законом или решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права (подпункт 2 статьи 42 и подпункт 2 пункта 2 статьи 46 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», часть 3 статьи 233 и часть 3 статьи 239 АПК Российской Федерации, часть третья статьи 421 и часть вторая статьи 426 ГПК Российской Федерации).

Абстрактный характер нормативности, заложенной в понятии «основополагающие принципы российского права», изначально предопределен высокой степенью обобщенности общественных отношений, которые регулируются на основе этих принципов, и потому не может рассматриваться как недопустимый отход от принципа правовой определенности, тем более с учетом того, что данный принцип конкретизирован федеральным законодателем при формулировании других оснований для отмены (отказа в выдаче исполнительно листа на принудительное исполнение) решения третейского суда, в том числе такого, как несоответствие состава третейского суда положениям Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», устанавливающим требования, которым должен отвечать третейский судья и несоблюдение которых служит основанием для его отвода.

На момент формирования состава третейского суда для разрешения соответствующего гражданско-правового спора предпосылки для оценки способности избираемых (назначаемых) третейских судей обеспечить его беспристрастное разрешение – с точки зрения таких субъективных категорий, как мировоззрение, моральные принципы, обусловленное причинами психологического или интеллектуального характера ситуативное отношение к одной из сторон спора и т.д., – отсутствуют. Обстоятельства же, свидетельствующие о прямой или косвенной заинтересованности третейского

судьи в исходе дела, его зависимости от одной из сторон спора, включая такой внешний фактор, как формальные или личные связи с этой стороной или ее представителем, и тем самым вызывающие обоснованные сомнения в беспристрастности третейского судьи, до начала третейского разбирательства другой стороне спора могут быть неизвестны, но при их обнаружении после избрания третейского судьи являются основанием для его отвода.

Соответственно, при оценке беспристрастности третейского судьи во внимание принимается как его личная позиция по конкретному делу, так и объективный критерий, а именно наличие связей третейского судьи с одной из сторон спора или ее представителем как обстоятельство, которое – исходя из предпосылки, что зависимый третейский судья может быть пристрастным при рассмотрении дела, – позволяет поставить под сомнение его независимость от нее либо определить, имелись ли достаточные гарантии, исключающие возможность его предвзятого отношения к другой стороне спора. Именно поэтому положения статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» как единая нормативная конструкция рассчитана на различные ситуации, возникающие в связи с оспариванием решений третейских судов: например, судья, разрешающий спор о расторжении договора аренды, является соучредителем юридического лица, которое, в свою очередь, является единственным учредителем организации-истца (постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 июня 2005 года по делу № А56-50320/04); полный состав третейских судей находится в трудовых отношениях с организацией-учредителем, занимая руководящие должности в ее правовом департаменте, а председатель третейского суда одновременно является вице-президентом, членом коллегиального исполнительного органа правления этой организации (постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 30

июля 2012 года по делу № А40-78556/11-68-671); единоличный третейский судья, который одновременно является начальником правового департамента организации-учредителя, назначается председателем третейского суда (постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 июня 2014 года по делу № А45-19364/2013).

4.2. Федеральный законодатель, устанавливая исчерпывающий перечень оснований для отмены (отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение) решения третейского суда, учитывал специфику третейского разбирательства, обуславливающую, в свою очередь, особенности действия в его рамках принципа независимости и беспристрастности третейских судей, ориентируя тем самым компетентные суды на принятие решения, наиболее отвечающего требованиям справедливости.

Между тем практика применения положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» арбитражными судами, сложившаяся с учетом позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, не позволяет в каждом конкретном случае достичь должного баланса интересов всех лиц, участвующих в соответствующих правоотношениях, и принять решение, наиболее отвечающее требованиям справедливости, т.е. исходя из предусмотренных действующим правовым регулированием пределов усмотрения компетентного суда по установлению обстоятельств, являющихся основанием для отмены (отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение) решения третейского суда, что предполагает необходимость установления нарушения принципа беспристрастности при рассмотрении конкретного спора именно составом третейского суда, но при этом не исключает учет в этих целях его организационно-правовых связей со сторонами спора.

Иное понимание указанных законоположений не согласуется с вытекающими из Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 8 (часть 1), 17 (часть 3) и 34 (часть 1), принципами стабильности гражданского оборота, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку эти положения в их взаимосвязи – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не предполагают отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда на том лишь основании, что сторона, в пользу которой оно принято, является одним из учредителей автономной некоммерческой организации, при которой создан данный третейский суд.

2. Признание положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» не противоречащими Конституции Российской Федерации не препятствует внесению федеральным законодателем – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления – изменений в действующее правовое регулирование, направленных на совершенствование порядка и принципов

создания (организации, формирования) третейских судов, с тем чтобы обеспечить защиту прав сторон гражданско-правового спора на справедливое третейское разбирательство.

3. Судебные акты по делу открытого акционерного общества «Сбербанк России», вынесенные на основании статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации